

Ван Дянь шел вперед, не останавливаясь, добрых полкилометра, прежде чем к нему вернулись здравый смысл и способность воспринимать окружающее. Вокруг царил непроглядная тьма, тянуло сыростью и гнилью, а ледяные порывы ветра пробирали до костей. Он даже не понимал, где находится.

Когда человека доводят до иступления, страх действительно отступает. Ван Дянь провел рукой по лицу — ладонь стала влажной от холодного пота, а пальцы все еще мелко дрожали.

Будучи современным человеком, выросшим в мирном обществе, он был совершенно не готов к таким «шуткам» Лян Е. В то мгновение, когда они летели в пропасть, он был уверен, что умрет. Но стоило Лян Е подхватить его, как кровь в жилах закипела, а сердце забилось с небывалой за двадцать семь лет скоростью.

Чертов идиот.

Он долго и глубоко дышал, пытаясь подавить коктейль из ужаса, отчаяния и возбуждающей дрожи во всем теле. Однако не успел он прийти в себя, как почувствовал, что что-то холодное и скользкое обвилось вокруг его лодыжки.

Ван Дянь инстинктивно затаил дыхание, замирая. Секундой позже мимо него со свистом пронесся клинок, и в следующее мгновение послышался влажный звук металла, входящего в плоть. В воздухе тут же разлился густой запах крови, ударивший в нос.

В темноте кто-то прижался к нему со спины. Горячая ладонь накрыла его руку, лежащую вдоль бедра, и, словно дразня, сжала ладонь. В ухо донесся насмешливый, невыносимо дерзкий голос:

— Всего лишь маленькая змея. Впереди змеиное логово, хочешь взглянуть?

У Ван Дяня пересохло в горле. Он не желал разговаривать с этим человеком и, вспыхнув от гнева, вырвал руку.

Лян Е, однако, положил подбородок ему на плечо и ткнул пальцем в бок, смеясь:

— Чего же ты так бежал? Я уж подумал, ты дорогу знаешь.

Ван Дяню на мгновение захотелось утащить его с собой в могилу.

Сзади показался тусклый свет — Чун Хэн, держа в руке огниво, свернул за поворот. Увидев, как его господин нежно прижимается к Ван Дяню, нарушая все приличия, он замялся, не зная, стоит ли гасить свет, чтобы дать хозяину еще немного насладиться моментом.

Лян Е потерял кончиком носа о мочку уха Ван Дяня и с досадой вздохнул:

— Ну ладно.

У Ван Дяня на лбу запульсировала вена. Он пнул тушу змеи, лежавшую у него под ногами, и, развернувшись, подошел к Чун Хэну:

— Где мы?

— В пещере господина, — ответил Чун Хэн, но, заметив, как Лян Е бросил на него мрачный взгляд, растерянно почесал в затылке.

— Зачем мы здесь? — Ван Дянь привычным жестом забрал у него огниво и осветил пространство. Пещера была невысокой, зато просторной. Стены покрывали неровности, по которым то и дело ползали какие-то насекомые; место выглядело отталкивающе.

— Господин сказал... — начал было Чун Хэн, но, наткнувшись на угрожающий взгляд Лян Е, проявил редкую смекалку: — Не знаю, спросите у господина.

— Раз не знаешь, то и ладно.

Ван Дянь отвернулся. Увидев впереди развилку, он, не говоря ни слова, прошел мимо Лян Е и зашагал по другому коридору.

Лян Е остался стоять на месте, приподняв бровь.

Чун Хэн осторожно спросил:

— Господин, Ван Дянь ушел вперед, он ведь не знает, что там ловушки.

— Самоуверенный глупец, — Лян Е тихо хмыкнул, бросил на Чун Хэна холодный взгляд и процедил: — Я твой господин или Ван Дянь?

Чун Хэн без колебаний ответил:

— Он всего лишь подделка. Если прикажете, в нужный момент... — он провел ребром ладони по горлу.

Лян Е наклонился, вытащил из змеиной туши свой скальпель и вытер кровь платком:

— Он мне еще пригодится.

Чун Хэн понимающе кивнул.

— Он ведь специально со мной не разговаривал? — Лян Е нахмурился. — Я всего лишь пошутил, безобидно, а он такой мелочный.

Чун Хэн кивнул:

— Стоит проучить его, чтобы знал свое место.

— Хрупкий, слабый, боевыми искусствами не владеет, того и гляди погибнет, — Лян Е с досадой покачал головой и, заложив руки за спину, зашагал следом. — Придется мне самому присмотреть за ним.

— ...Ох, — Чун Хэн проводил взглядом стремительно удаляющегося господина и скривился.

Ван Дянь прошел совсем немного, когда услышал шаги за спиной, а следом — ленивый голос Лян Е:

— Сделаешь еще шаг — попадешь под отравленную стрелу.

Он тут же остановился.

Лян Е прошел мимо, задев его плечом, и, склонив голову, улыбнулся:

— Вру.

Затем он потянулся к огниву в руке Ван Дяня. Тот сначала крепко сжал пальцы, но тут же с холодным выражением лица разжал их.

Лян Е, получив желаемое так легко, даже разочаровался. Он цокнул языком и просто сжал огниво в кулаке, погасив пламя.

— Ты что творишь!? — в голосе Ван Дяня послышалась ярость. — С ума сошел, тушить огонь рукой!

Лян Е небрежно отшвырнул ненужную вещицу и с интересом поднес ладонь к его губам:

— Лизни.

— Пошел прочь! — Ван Дянь с раздражением оттолкнул его руку.

Его брань лишь раззадорила Лян Е. Ему показалось, что это куда интереснее, чем холодное молчание. Он прижал свою горячую ладонь к губам Ван Дяня, затем, скользнув по руке, крепко переплел свои пальцы с его и потащил вперед:

— Идем, покажу тебе кое-что занятное.

Ван Дянь несколько раз попытался вырваться, но безуспешно. Его тащили вперед, и он, разозлившись, сжал руку Лян Е так сильно, что, казалось, готов был раздробить кости.

Но Лян Е, очевидно, не чувствовал боли. Он даже нашел время сцепить их пальцы в замок. В темноте Ван Дянь ничего не видел и вынужден был спотыкаться, следуя за ним. Лян Е словно специально выбирал самые неровные участки пути: каждый раз, когда Ван Дянь оступался, он либо обхватывал его за талию, либо придерживал, а то и вовсе заставлял навалиться на себя... вел себя максимально скверно.

Наконец, когда Ван Дянь в очередной раз едва не упал, а Лян Е намеренно позволил ему рухнуть в свои объятия, тот окончательно вышел из себя.

— Ты можешь нормально идти?! — Ван Дянь схватил его за воротник и дернул на себя, процедив сквозь зубы от ярости.

— Дорога неровная, я-то тут при чем? — Лян Е включил режим отрицания. — Ты сам специально на меня валишься.

— Чего ты добиваешься? — Ван Дянь, боясь, что у него подскочит давление или случится сердечный приступ, измученно вздохнул.

Лян Е внезапно подался вперед и лизнул его в уголок губ, с восторгом предложив:

— Поцелуй меня еще раз, как вчера. С языком, и постарайся посильнее.

Ван Дянь еще не успел отойти от шока, как следующее заявление окончательно лишило его дара речи:

— Ты... что ты сказал?

— На самом деле мне тоже хочется тебя поцеловать, но это кажется таким отвратительным, — Лян Е заявил это с полной уверенностью. — В конце концов, я не такой бесстыдник, как ты.

Ван Дянь не знал, злиться или плакать, его охватило бессилие:

— Ты больной... М-м!

В темноте Лян Е впился в его губы, подражая тому, как Ван Дянь когда-то давил на его кадык, заставляя открыть рот. Дыхание Лян Е стало пугающе тяжелым.

Ван Дянь изо всех сил вцепился в его плечи, чувствуя, что так он просто задохнется. Он резко ударил его коленом в живот, схватил за волосы, вынуждая разжать челюсти, и, жадно хватая ртом воздух, выругался:

— Ты, мать твою, даже дышать не умеешь, идиот!

То, как он давил на кадык, чуть не сломало ему шею!

Лян Е рассмеялся в темноте и, словно смакуя, причмокнул:

— У тебя во рту так горячо.

Ван Дянь впервые получил столь откровенную и грубую оценку своего поцелуя. Он открыл рот, но долго не мог вымолвить ни слова, лишь жалея, что здесь нет расщелины, в которую можно было бы провалиться.

— Почему у тебя лицо такое горячее? — Лян Е потерся своим лицом о его, проверяя температуру, и искренне удивился: — Задохнулся, что ли?

Ван Дяня, казалось, вот-вот начнет дымиться от ярости. Он схватил Лян Е за воротник и оттолкнул:

— Лян Е, в последний раз говорю: я не люблю мужчин.

— Я тоже не люблю, — Лян Е счел его слова бессмысленными и потрогал его шею. — И шея тоже такая горячая.

— Целуются только возлюбленные, — терпеливо объяснил Ван Дянь. — Если я тебе не нравлюсь, не делай так.

— Кто сказал, что ты мне не нравишься? — Лян Е был шокирован таким заявлением. — Ты мое сокровище, я держу тебя в самом сердце. Если бы ты мне не нравился, стал бы я терпеть твои выходки?

Ван Дянь не поверил своим ушам:

— Что ты сказал?

— Ты — моя вещь, конечно, я буду целовать тебя, когда захочу, — Лян Е начал терять терпение. — Не хочу больше обсуждать этот глупый вопрос.

Ван Дянь с каменным лицом показал ему средний палец:

— Да пошел ты к черту, придурок.

Лян Е приподнял бровь:

— Не думай, что я не понимаю, что ты ругаешься.

— Я ругаю не человека, — Ван Дянь улыбнулся одними губами. — Если не убьешь меня сейчас, рано или поздно я прикончу тебя.

Лян Е радостно отозвался:

— Отлично, я буду ждать.

— ... — Ван Дянь проклял его про себя восемьсот раз. Не желая больше спорить о том, вещь он или нет, он перешел на деловой тон: — Что это за место?

— О, это сокровищница и тайные приказы, оставленные Лян Хуа. — Лян Е с отсутствующим видом похлопал по стене. После сильного содрогания каменные плиты с грохотом разошлись в стороны, зажглись факелы, и перед Ван Дянем открылась огромная подземная пещера.

Половина этого зала размером с футбольное поле была завалена несметными сокровищами, а в глубине лежали горы запыленного оружия и доспехов. На стене, прямо под рукой Ван Дяня, висела гигантская карта границ, детали которой четко освещали вставленные в потолок жемчужины.

Это была карта не Северного Ляна, а всей империи Да-Ань, включая четыре государства. Очевидно, автор карты был человеком честолюбивым, мечтавшим объединить Поднебесную.

На каменном столе перед картой лежали две государственные печати и темно-золотой жетон. Ван Дянь взял их по очереди: на одной печати было вырезано «Да-Ань», на другой — «Северный Лян». Знаки на жетоне оказались слишком сложными, он не понял их значения, но они показались ему смутно знакомыми, будто он где-то их уже видел.

Сказать, что он был в шоке — ничего не сказать. Ван Дянь посмотрел на Лян Е, который от скуки выковыривал ножом жемчужину из потолка:

— Это твой отец тебе оставил?

Лян Е, добившись своего и выковыряв жемчужину, подбросил ее в руке и лениво ответил:

— Угу.

— Значит, это настоящая печать Северного Ляна? — Ван Дянь внимательно разглядывал ее. — А та, что в кабинете, с черепахой — подделка?

— Старуха смастерила какую-то ерунду, — Лян Е примерился ножом к печати. — Вырезать на ней черепаху — самое то.

Ван Дянь убрал печать, уворачиваясь от его рук, и недоуменно спросил:

— Раз Лян Хуа оставил тебе все это, почему ты не пользуешься?

— Не нужно, — нож в руках Лян Е вращался так быстро, что у Ван Дяня зарябило в глазах, а голос его звучал лениво: — Все это — бесполезный хлам.

Ван Дянь на мгновение замер. Разрозненные фрагменты воспоминаний начали складываться в единую картину.

— Значит, Лян Хуа построил этот дворец в горах Шицзай вовсе не для того, чтобы спастись от жары? И то, что я здесь оказался — не случайность... Этот Вэнь Юй — твой человек.

Иначе с чего бы мелкому чиновнику так рьяно спорить со всеми и упомянуть горы Шицзай и храм Тайцзи?

Масштабы этого места требовали не одного года работы. Судя по карте и печатям империи Да-Ань, Лян Хуа вовсе не был тем слабым и никчемным марионеточным императором, о котором ходили слухи. А раз он умер по дороге сюда, значит, вдовствующая императрица, возможно, давно подозревала неладное, но, судя по всему, так и не докопалась до истины.

— Это ты — мой человек, — Лян Е остался недоволен его выводами, подцепил жетон со стола и бросил ему в руки: — Играйся.

Ван Дянь, сжимая жетон, прищурился:

— Что это за организация — Теневой отдел?

— Кучка бесполезных ничтожеств, — Лян Е, опершись рукой о каменный стол, запрыгнул на него. Он начал пинать Ван Дяня носком сапога по голени, а затем, подцепив край его одежды, медленно и неторопливо повел сапогом вверх по ноге. — Но раз ты так ловко ими пользуешься, пусть будут твоими.

Ван Дянь запоздало осознал:

— Юнь Фу и Юй Ин тоже были расставлены тобой?

Лян Е зацепил его за пояс, вынуждая Ван Дяня сделать шаг вперед, а затем обвился второй ногой, притягивая его к себе. Он склонил голову, потерся кончиком носа о его лоб и с выражением лица, означавшим «понятия не имею, о чем ты», радостно пропел:

— Посмотри на себя, опять хочешь меня поцеловать.

Ван Дянь вlepил ему жетоном по лицу и прорычал:

— Поцелуй свою бабушку! Ты, коварный, притворяющийся сумасшедшим ублюдок!

<http://bllate.org/book/21737/2247148>